

В. Воровский

часть своего состояния». Организация, правда, не располагала полными данными о размере «русских долгов». По их сведениям, к моменту подписания мирного договора можно было говорить о государственных и частных долгах России в пределах 3,85 млрд марок (вместе с процентами), в том числе 2,25 млрд марок — по владению русскими ценными бумагами и 1,6 млрд — претензии по долгам русских партнеров немецким предпринимателям¹.

10 декабря 1917 г. ряд крупных германских банков и фирм обратились к немецкой делегации на брестских переговорах с посланием. Они настойчиво просили «во время мирных переговоров с Россией со всей энергией действовать в том направлении, чтобы интересы немецких держателей русских государственных займов и гарантированных государством облигаций железных дорог были обеспечены»².

Сведения немецких предпринимателей о том, что советское правительство готовится аннулировать государственные долги царского и Временного правительств, были верны. Но так как под запланированную акцию попадали и долги в отношении Германии, большевистское правительство, не

желая осложнять брестские переговоры, поручило своему представителю в Скандинавии В. Воровскому выяснить через посольство Германии в Стокгольме, как Берлин отнесется к объявлению Советской Россией «государственного банкротства», т.е. к аннулированию иностранных государственных займов. Воровскому стоило больших усилий установить контакт с немецкими дипломатами. Но в итоге он встретился с советником германского посольства Рицлером. Воровский предложил Рицлеру выяснить у своего правительства, согласится ли Германия на аннулирование революционным правительством государственных займов, полученных «в империалистических целях» после 1905 г. Рицлер отправил запрос в Берлин и получил задание еще раз встретиться с представителем большевиков и сообщить, что Имперский банк счел его предложение «приемлемым и полезным». Это решение было продиктовано в первую очередь политическими соображениями. По расчетам банка, Антанты на аннулировании займов теряла больше, чем Германия, и, следовательно, отмена была больше по ее интересам³.

Вечером 27 декабря 1917 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Совета Народных Комиссаров (ВЦИК) РСФСР принял декрет о национализации банков. Банковское дело было объявлено государственной монополией,

¹ Петров Ю.А. Проблема государственного долга и частные германские инвестиции в России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 462.

² Цит. по: Исраэлян В.Л. Неоправдавшийся прогноз графа Мирбаха (Из истории антисоветской политики германского империализма в 1917–1918 гг.) // Новая и новейшая история. 1967. № 6. С. 57.

³ Зарницкий С.В., Трофимова Л.И. Так начинался Наркоминдел. М., 1984. С. 145.

и всем существующим частным акционерным банкам было предписано объединиться с Государственным банком.

29 декабря 1917 г. был принят декрет СНК о прекращении платежей по купонам и выплат по дивидендам, который касался и иностранных акционеров. Он сыграл роль подготовительной меры к аннулированию государственных займов, поскольку запрещал всякую оплату купонов и любые сделки с ценными бумагами. За нарушение этого запрета виновных ждал суд и конфискация всего имущества.

26 января 1918 г. был опубликован декрет ВЦИК от 21 января 1918 г. об аннулировании государственных займов. Он гласил: «1. Все государственные займы, заключенные правительствами российских помещиков и российской буржуазии... аннулируются (уничтожаются) с декабря 1917 года. 2. Равным образом аннулируются все гарантии, данные названными правительствами по займам различных предприятий и учреждений. 3. Безусловно и без всяких исключений аннулируются все иностранные займы»⁴.

Принятым актом советская власть полностью отказалась от какой-либо преемственности в отношении государственного долга. Эта мера вполне вписывалась в революционную логику новой российской власти, но не соответствовала общепринятым международным нормам, согласно которым государство должно выполнять свои обязательства. Поэтому указанный декрет советской власти не мог не вызвать резкого противодействия кредиторов России.

Немецкие банкиры надеялись удовлетворить свои претензии в рамках сепаратного мира. 27 февраля 1918 г. представители всех крупных частных немецких банков определили свое отношение к проекту Брестского договора, содержание которого было уже известно. На имя статс-секретаря Министерства экономики Германии было направлено письмо, подписанное директорами Deutsche Bank, Dresdner bank, Berliner Handels-Gesellschaft и др. Составители письма напоминали, что в Советской России «распоряжением Совета народных комиссаров проведена национализация банков, оптовых торговых, а также промышленных предприятий», и считали «само собой разумеющимся, что представители Германии во время мирных переговоров с Россией будут добиваться того, чтобы по возможности обеспечить немецкое частное имущество и немецкие притязания на частные предприятия, особенно на банки, и на торговые и промышленные

В. Мирбах

⁴ Сборник декретов о финансах. 1917–1920. Пг., 1920. С. 107–109.